

Россия в поиске исторического пути: опыт и вызовы современности

АЛЕКСЕЕВ В.В. (Екатеринбург)

Россия между индустриализмом и постиндустриализмом

В наше время мир живет на переломе эпох: индустриальной и постиндустриальной. Совершенно очевидно, что многовековой переход от традиционного аграрного общества к индустриальному в передовых странах завершился в XX в. А как в России? Ответить на этот вопрос не просто. Между тем, от ответа на него зависит ее будущее. Необходимо избежать ситуации, сложившейся в начале XX в., когда ни официальная власть, ни многочисленные оппозиции ясно не формулировали перспективы развития страны, исходя из генеральной закономерности того века.

На повестке дня со всей остротой стояли вопросы судьбы самодержавия и аграрных отношений. А что дальше? Ни Столыпин, ни Ленин не смогли адекватно сориентироваться в этом. Первый сосредоточился на предупреждении революции в стране, второй – на ее развитии, вплоть до мировой. Итогом стала кровавая драма, едва не погубившая Отечество.

Выход был найден позднее, когда стало ясно, что мировая пролетарская революция провалилась, а у России нет иного пути кроме модернизации – перехода от традиционного аграрного к индустриальному обществу, как и в большинстве развитых государств. Этот процесс большевики начали форсировать под лозунгом строительства социализма, который, как теперь известно, не утвердился в России, а модернизация при невиданном энтузиазме народа состоялась и превратила СССР в сверхдержаву¹

Индустриализм стал стержнем и символом советского режима. Однако со временем он был гипертрофирован, привел к деградации деревни, вылился в гигантскую гонку вооружений, которая истощила ресурсы страны. Коммунистическое руководство не сделало правильных выводов из кризиса западного индустриализма и своевременно не перестроило свой курс, что в совокупности с внутренней эрозией советской власти привело к краху СССР, несмотря на то, что у него были определенные предпосылки как в материальной, так и в интеллектуальной сферах для постепенного перехода к новой модели развития. Это могла обеспечить крупная экономика, составляющая в 1985 г. 60 % от американской², мощная наука, высокий образовательный и профессиональный уровни населения.

Либеральные реформы 1990-х гг. не исправили положения, не способствовали завершению модернизационного перехода, а привели к откату назад по многим принципиальным показателям. Возобладал поспешный курс на ускоренное создание постиндустриального общества,

что привело к демодернизации, гибели половины индустриального потенциала страны. В результате российская экономика сократилась до 6–8% от американской³. Между тем, мировой опыт указывает на необходимость завершения технологической модернизации для продвижения крупной экономики к постиндустриальной модели развития. В конечном счете Россия оказалась между индустриализмом и постиндустриализмом, что негативно влияет на все сферы ее жизнедеятельности.

Образ нового постиндустриального мира под мощным влиянием средств массовой информации в сознании большинства населения ассоциируется с североатлантической цивилизацией, достигшей своего апогея. На глазах меняются формы экономической деятельности, сложившиеся в условиях модернизации и сориентированные преимущественно на развитие материальной сферы. На смену им идет финансово-правовое регулирование, именуемое постиндустриальным развитием, которое в условиях глобализации связано с мировым разделением труда и служит формой перераспределения дохода между регионами интенсивной эксплуатации природных ресурсов, промышленной деятельности, высоких технологий и интеллектуального производства.

Каково место России в новой системе координат? Ныне в структуре российского ВВП уже преобладает сфера услуг, на которую приходится около 55%. Доля промышленности неумолимо сокращается и опустилась в 2004 г. до 30,8%. Производство машин и оборудования сократилось с 84,4% в 1992 г. до 46,8% в 2006 г., а текстильное и швейное производство за тот же период снизилось с 71,9% до 25,2%. В то же время добыча полезных ископаемых поднялась с 88,2% до 101,3%, превратив страну в сырьевой придаток западного мира. Их удельный вес в структуре экспорта подскочил с 16,2% в 1960 г. до 65,7% в 2006 г.⁴ На природные ресурсы теперь приходится 4/5 российского экспорта.

Характерно, что в реальном внутреннем продукте России падает и удельный вес сельского хозяйства, составляющий 6,3% ВВП⁵. Катастрофически сокращается поголовье крупного рогатого скота. Меньше, чем сейчас, его было только в 1919–1922 гг. – во время гражданской войны и голода в Поволжье. В конечном итоге Россия оказалась на 135 месте по объему ВНП на душу населения, оставив после себя только самые бедные страны Африки. Что же это такое: переход к постиндустриализму или элементарная деградация экономики? Скорей всего последнее, несмотря на отчаянные попытки ее поднятия.

Казалось бы, на фоне снижения уровня материальных показателей производства на пути к постиндустриальному обществу должна была расти интеллектуальная сфера. Однако этого не происходит. Численность научных работников Российской Федерации с 1992 по 2001 гг. сократилась почти вдвое, а затраты бюджета на науку уменьшились с 19,8% в 1990 г. до 1,74% в 2001 г. Если взять удельный вес этих затрат в ВВП, то он снизился с 11,5% в 1990 г. до 0,25% в 2001 г.⁶ В результате недостаточной наукоемкости продукции Россия на единицу общих

энергозатрат получает всего 0,63 единиц ВВП, тогда как Япония – 6,7 единиц, то есть в 10 раз больше⁷

По оценкам С.Ю. Глазьева отставание России в области современных индустриальных технологий достигает 25–30 лет. К началу XXI в. уровень компьютеризации в стране составлял менее 1% от американского. Около половины рабочей силы в народном хозяйстве было занято ручным трудом⁸. За последние годы отставание в определенной мере преодолено, но до постиндустриального общества еще далеко.

Принято считать, что целью постиндустриального общества является не количество произведенных благ, а их качество, более того – высокое качество жизни в целом, чего нельзя сказать о нынешней России. Если в ходе создания индустриального общества средняя продолжительность жизни населения страны поднялась с 32 лет в начале XX в. до 70 лет в его середине и приблизилась к уровню развитых государств⁹, то к началу XXI в. она резко сократилась и стала самой низкой в Европе. С 1996 г. по 2007 г. население России уменьшилось на 6 млн чел.¹⁰ Такого в мирное время никогда не случалось.

Где же вывод из создавшегося положения? Легкого выбора у России нет и никогда не было. Однако она почти всегда в результате мучительных, порой трагических поисков, находила правильный путь. Поручкой тому многовековой исторический опыт, к которому необходимо прибегнуть вновь. Суть его заключается не в игнорировании реалий окружающего мира, а в оптимально возможном приспособлении к ним, чаще всего парадоксальным на первый взгляд, но эффективным способом. В данной связи России необходимо в своих национальных интересах использовать постиндустриализм и глобализм, поскольку они являются реальностью современной эпохи и не считаются с ними нельзя. Вместе с тем не стоит их переоценивать. Первый не надо абсолютизировать, а второй – игнорировать.

Тенденции постиндустриализма действительно имеют место в индустриально развитых странах, но говорить о переходе к нему рано. Экономика большинства государств, в первую очередь ведущих, по-прежнему основывается на индустриальных началах. Более того, с каждым годом растет потребление сырья для ее удовлетворения. Его получение и обработка переносятся в третий мир, к которому теперь все чаще относят и Россию. Наиболее убедительным примером такого роста является спрос на энергоресурсы и беспрецедентно высокая их цена на мировом рынке. Дело доходит до прямого военного столкновения государств за эти ресурсы, свидетельством чего служит борьба за ближневосточную нефть. Много написано о резком сокращении рабочего класса и быстром росте технической интеллигенции, как доказательстве перехода к постиндустриальному (информационному) обществу, но при этом стараются не замечать многомиллионные армии мигрантов в богатые государства из бедных стран для выполнения черновой работы. Новое переселение народов является

консервацией архаики, а не свидетельством постиндустриального прогресса.

Да и сами апологеты постиндустриализма все чаще начинают отступать со своих позиций. В частности, известный американский профессор Маршалл Голдмон признается: «Я не думаю, что мы действительно находимся в постиндустриальной эре. Причиной является то, что промышленное производство не только остается весьма значимым, но и в определенной степени даже более важным, чем когда бы то ни было ранее, хотя технологические его основы и меняются»¹¹

В России поспешные попытки перехода к постиндустриализму ведут к демодернизации, замене недостающего производства материальных благ регулированием спекулятивных финансовых потоков, активному коррумпированию экономики и общественной жизни вместо постиндустриального благополучия. Ей целесообразней идти своим путем, учитывая новые веяния эпохи, но не абсолютизируя их, как это делают Япония, Китай и другие страны Тихоокеанского региона. Прежде всего необходимо выйти из финансово-политической зависимости Запада, на базе сверхприбылей от торговли энергоресурсами, модернизировать российскую экономику, переключив ее с сырьевой направленности на высокотехнологичную. Об этом много говорится, но мало что делается. На смену «общечеловеческим ценностям» должны, наконец, прийти национальные интересы. В противном случае ни о каком российском постмодерне речи идти не может, поздно будет.

Глобализм не новое изобретение. Был «римский», «британский», теперь – «американский». Можно даже упомянуть «о российском глобализме» XIX в., когда после разгрома Наполеона наша страна по терминологии «Краткого курса ВКП(б)» была жандармом Европы. Думается все-таки, не жандармом, а столетним миротворцем, коль скоро с 1813 по 1914 гг. в Европе не допускались крупномасштабные войны.

Исторический опыт свидетельствует, что глобализм, во-первых, не вечен, тем более при нынешней интенсификации исторических процессов. Во-вторых, при всем монополизме он асимметричен. Разные государства и блоки стран в силу национальных интересов пытаются минимизировать давление глобальных лидеров и сохранить свои локальные цивилизации. Экономическая составляющая глобализма вынуждена будет рано или поздно оглядываться на экологию и тем самым умерять безудержную погоню капитала за прибылью. В этих условиях Россия, располагая крупнейшими богатствами недр, огромной емкостью природной среды и находящаяся в относительной удаленности от традиционных очагов международных конфликтов способна при мудром политическом руководстве противостоять негативным последствиям глобализации и адаптироваться к ним.

Таким образом, положение России между индустриализмом и постиндустриализмом чрезвычайно сложно. Требуется большая политиче-

ская мудрость и твердая воля для того, чтобы вывести ее из такой ситуации. Потенциальные возможности страны и ее исторический опыт позволяют это сделать.

¹ См. подробнее: *Алексеев В.В.* Ключевая проблема Российской истории XX века // Труды Отделения историко-филологических наук. 2005. М., 2005. С. 284–300.

² *Турчин П.В.* Историческая динамика. Перевод с англ. М., 2007. С. 25.

³ Там же.

⁴ www.grs.ru.

⁵ Там же.

⁶ *Симчера В.М.* Развитие экономики России за 100 лет. Исторические ряды. М., 2006. С. 91–93.

⁷ Там же. С. 59.

⁸ См.: Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). СПб., 2000. С. 178.

⁹ *Алексеев В.В.* Указ. соч. С. 295.

⁹ *Симчера В.М.* Указ. соч. С. 105.

¹⁰ Переосмысливая будущее. Крупнейшие американские экономисты и социологи о перспективах и противоречиях современного развития // МЭМО. 1998. № 11. С. 8.

МОЛОДИН В.И. (Новосибирск)

Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения

В 1976 г. М.Ф. Косаревым в левобережном Прииртышье выделена так называемая одиновская группа памятников, характеризующая раннебронзовый этап гребенчато-ямочной линии развития¹. Основанием для ее выделения явилась специфическая керамика, представленная плоскодонными баночными или слегка профилированными сосудами, украшенными по всей поверхности, включая дно, полосами гребенчатого или рядами гладкого штампа, разделенными круглыми ямочными вдавлениями или «жемчужинами». Одиновские памятники были локализованы исследователем преимущественно в лесостепном Пришимье и южностепном Притоболье (памятники Одиново, Логиново-III, IV, Рогозино, Шалкуль-IV).

В начале восьмидесятых годов прошлого века автором этих строк была высказана гипотеза о существовании так называемого одиновского этапа эпохи раннего металла в культуре бронзового века Барабинской лесостепи². Изучение опорного поселения Марково-2, а также еще нескольких поселенческих (Венгерово-1А, Кама-2, Каргат-6Б, Новоченкино-5) и, вероятно, ритуального комплекса Солка-3А, позволили определить культурно-историческое место данных памятников, поместив их между комплексами байрыцкого типа с одной стороны, и кротовской